

Вопрос свободы воли связан практически со всеми значимыми для нас понятиями. Моральные ценности, законы, политическая жизнь, религия, государственное управление, взаимоотношения, чувство вины и личные достижения — все главное в нашей жизни обусловлено тем, что мы воспринимаем другого как личность, способную на свободный выбор. Если бы научное сообщество объявило свободу воли фикцией, мир захлестнула бы идеологическая война куда более яростная, чем битва между противниками и сторонниками эволюции. Раз свободы воли не существует, грешники и преступники — это плохо отлаженные часовые механизмы, и любое требование покарать их по справедливости (а не остановить, перевоспитать или просто изолировать) кажется неуместным. Те же из нас, кто трудится не покладая рук и соблюдают законы, по сути не «заслуживают» приобретенных благ.

Подобные умозаключения не случайно претят большинству: слишком высоки ставки.

Ранним утром 23 июля 2007 года двое преступников, Стивен Хейс и Джошуа Комиссаржевский, забрались в дом врача Уильяма Петита и его жены Дженнифер. Дело происходило в тихом городке Чешир штата Коннектикут. Когда злоумышленники проникли внутрь, Петит спал на веранде. Как следует из показаний Комиссаржевского, несколько минут он стоял над спящим в нерешительности, а затем нанес ему удар по голове бейсбольной битой. По признаниям обвиняемого, от крика жертвы на него что-то нашло и он со всей силы принялся избивать Петита, пока тот не затих.

Затем парочка связала Петиту руки и ноги и поднялась наверх — обыскать дом. На втором этаже они обнаружили Дженнифер Петит и двух ее дочерей — семнадцатилетнюю Хейли и одиннадцатилетнюю Микаэлу. Все трое еще спали. Бандиты их разбудили и привязали к кроватям.

В 7:00 Хейс отправился на заправку и приобрел четыре галлона бензина. В 9:30 он отвез

Дженнифер Петит в банк, где женщина сняла со счета 15 000 долларов. Судя по разговору с банковской служащей, Дженнифер не знала, что ее муж сильно избит, и была уверена, что преступники, получив выкуп, оставят их в покое.

Пока Хейс и мать девочек отсутствовали, Комиссаржевский развлекался тем, что фотографировал Микаэлу голой на камеру сотового телефона и мастурбировал. Когда Хейс и Дженнифер вернулись, мужчины поделили деньги и наскоро обсудили дальнейшие планы. Они решили, что Хейс затащит Дженнифер в гостиную и изнасилует — что и было сделано. Затем, к удивлению подельника, Хейс задушил жертву.

Именно тогда злоумышленники заметили, что Уильям Петит выпутался из веревок и сбежал. Охваченные паникой, они облили дом бензином и подожгли. Когда полицейские спросили, почему они не отвязали сестер от кроватей, Комиссаржевский ответил: «Мне это просто не пришло в голову». Девочки задохнулись в дыму. Уильям Петит оказался единственным выжившим.

Реакция на подобные преступления вполне предсказуема. Считается, что преступники наподобие Хейса и Комиссаржевского обязаны ответить по закону. Будь мы родными или друзьями Петитов, мы бы собственноручно растерзали этих чудовищ и чувствовали бы себя абсолютно правыми. Тот факт, что Хейс мучился угрызениями совести и пытался покончить с собой в тюрьме, вряд ли остановил бы нас. Смягчилось бы наше отношение из-за того, что в детстве Комиссаржевский неоднократно подвергался сексуальному насилию? Судя по записям в дневниках, он осознавал свою душевную травму, ощущал, что отличается от остальных и бывает до жестокости равнодушен. Комиссаржевский утверждает, что сам от себя не ожидал такой агрессивности: он был профессиональным взломщиком, а не убийцей, и не собирался никого лишать жизни. Эти нюансы заставляют призадуматься.

Как видно, дело не в том, способны ли преступники вроде Хейса и Комиссаржевского проанализировать свои чувства и мысли и можно ли доверять их признаниям. Каковы бы

ни были мотивы этих мужчин, они действовали безотчетно. Мы тоже не можем внятно сформулировать, почему мы другие. При всей тошнотворности содеянного не могу не признать, что, поменяй меня местами с одним из злоумышленников, я стал бы точно таким, как он. У меня не было бы ни единого стимула смотреть на мир под иным углом или пытаться себя обуздать. Даже если верить в бессмертную душу и в то, что она есть у каждого, это никак не снимает проблему ответственности. То, что я не психопат, отнюдь не моя заслуга. Окажись я 23 июля 2007 года в шкуре Комиссаржевского — с его наследственностью, его отрицательным жизненным опытом и его разумом (или душой), — я бы действовал в точности как он. Отрицать это нелепо. Все решает случайность.

Разумеется, если нам скажут, что у обоих мужчин найдена опухоль мозга и их жестокость обусловлена заболеванием, наше восприятие событий радикально изменится. Однако неврологические расстройства, по-видимому, лишь частный случай физических процессов,

влияющих на мысли и действия. Как следствие, понимание нейрофизиологии мозга, так же как и обнаружение опухоли, может служить для оправдания вины. Как жить осмысленно и требовать от людей ответственности, когда на наше сознание воздействуют бессознательные факторы?

Свобода воли — это иллюзия. Мы не творцы наших желаний. Мы не сознаем и не контролируем причины, вызывающие наши мысли и чувства. Наша свобода мнимая.

Свобода воли — на самом деле более чем иллюзия (или менее): мы даже не можем дать ей связного определения. Либо наши желания обусловлены предыдущим опытом, и мы не несем за них ответственности, либо они зависят от случайностей, и мы тоже за них не отвечаем. Если человек стреляет в президента, поскольку таковы особенности его нервной системы, которая, в свою очередь, является производным продуктом (на нее повлияло, скажем, неудачное сочетание плохих генов, тяжелого детства, бессонницы и облучения космической радиацией), допустимо ли говорить о том, что его

воля свободна? Никто еще не показал связь свободы воли с психическими и физическими процессами: как одно вытекает из другого? Даже большинство иллюзий имеют более солидную доказательную базу.

Распространенное определение свободы воли строится на двух допущениях: 1) в прошлом мы могли бы повести себя иначе; 2) в настоящем мы отвечаем за наши мысли и осознаем свои действия. Однако, как мы скоро увидим, оба эти допущения ложны.

Более того, свободная воля не совпадает ни с одним из наших личностных свойств или характеристик — и самоанализ быстро доказывает, что она зависит от нас не в большей степени, чем законы физики. Фиксируемые волевые акты, к какому бы типу они ни относились (преднамеренные, автоматические или вероятностные), спонтанные, мы не можем их проследить и найти их первоисточник в нашем сознании. Даже из краткого самоанализа видно, что мысль, которая приходит вам в голову, зависит от вас не больше, чем мысль, которую я пишу на бумаге.

ВОЛЯ И ЕЕ ИСТОКИ

Ежесекундно наш мозг перерабатывает огромное количество информации, из которой нами осознается лишь малая толика¹. Хотя мы постоянно замечаем происходящие в нас перемены — в мыслях, настроении, восприятии, поведении и т. д., мы ничего не знаем о стоящих за ними нейрофизиологических механизмах. На самом деле мы весьма посредственные наблюдатели в том, что касается нашей собственной жизни. Часто окружающие люди по выражению лица и тону голоса лучше понимают наше состояние и мотивы поведения, чем мы сами.

Обычно я начинаю день с чашки кофе или чая, иногда с двух чашек. Сегодня утром я выпил кофе (две чашки). Почему не чая? Понятия

не имею. Мне больше хотелось кофе, чем чаю, и я мог совершенно свободно получить то, что хотел. Был ли этот выбор осознанным? Нет. Выбор за меня совершили механизмы в мозге, причем таким образом, что я, субъект, якобы осознающий свои мысли и действия, не мог ни проконтролировать этот выбор, ни повлиять на него. Мог ли я «передумать» и приготовить чай прежде, чем сидящий во мне кофе-ман поймет, куда ветер дует? Да, но это тоже был бы бессознательный импульс. Почему он не возник сегодня утром? Почему он может возникнуть в будущем? Я не знаю. Намерение сделать именно то, а не другое идет не от разума — наоборот, оно *появляется* в нашем сознании, равно как и противоположные мысли и импульсы.

Физиолог Бенджамин Либет в своем знаменитом эксперименте показал с помощью электроэнцефалограммы, что двигательная область коры головного мозга активизируется примерно за 300 миллисекунд до того, как индивид решает сделать то или иное движение². Другая лаборатория продолжила работу,

использовав метод функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ). Участников эксперимента просили периодически нажимать на одну из двух кнопок, одновременно следя за произвольной последовательностью букв, которые появлялись на экране. Испытуемые сообщали, какая именно буква была видна в тот самый момент, когда они принимали решение нажать на кнопку. Экспериментаторы обнаружили, что в два отдела головного мозга информация о нажатой кнопке попала за целых 7–10 секунд до того, как испытуемый принял соответствующее решение³. Недавно в ходе одного исследования регистрация сигналов коры головного мозга показала, что по активности всего-навсего 256 нейронов можно с 80%-ной долей вероятности предсказать движение за 700 миллисекунд до того момента, когда человек принял такое решение⁴.

Эти данные трудно примирить с убеждением, что мы сознательно управляем своими действиями. Однако факт остается фактом: за доли секунды до того, как вы осознаете,

что́ будете делать в следующий момент (казалось бы, вы при этом обладаете полной свободой действий), мозг уже принимает решение, как вам поступить. Это «решение» воздействует на сознание, и вы верите, что принимаете его самостоятельно.

Различие между «высшей нервной деятельностью» головного мозга и «низшей нервной деятельностью» мало что проясняет. Мне как сознательному субъекту повлиять на процессы в префронтальной коре столь же проблематично, как и заставить сердце биться. Всегда будет определенный промежуток между ментальными событиями, обеспечивающими появление осознанной мысли, и самой мыслью. И даже если это не так, даже если все психические состояния полностью синхронизированы с процессами в головном мозге, я все равно не могу предсказать, какая мысль мне придет в голову или какое намерение у меня возникнет, до того, как они появятся в моем сознании. Как изменится в следующий миг мое психическое состояние? Не знаю: все происходит само собой. И где же здесь свобода?

* * *

Представим себе идеальное устройство, позволяющее визуализировать функции и биохимические характеристики мозга, а также отмечать и расшифровывать малейшие изменения в мозговой деятельности. В лаборатории вы целый час думаете о чем угодно и делаете что угодно — исследователи, сканирующие мозг, прочитают все ваши мысли еще до их появления и предскажут все ваши поступки. Например, ровно через 10 минут и 10 секунд после начала эксперимента вы решили взять журнал со столика. Однако сканер регистрирует активность вашего мозга еще раньше, через 10 минут и 6 секунд после начала, — и экспериментаторы даже заранее узнают, какой вы выберете журнал. Некоторое время вы читаете, затем вам становится скучно и вы откладываете журнал в сторону. Экспериментаторы получили сведения о том, что вы перестанете читать, еще за секунду до того, как вы оторвали глаза от страницы, и могут даже назвать последнее прочитанное предложение.

То же самое касается и всего прочего. Вы пытаетесь припомнить, как зовут главного экспериментатора, но его имя выпало у вас из памяти. Затем в голове у вас всплывает имя Брент, хотя на самом деле его зовут Бретт. По завершении эксперимента вы хотите пойти в обувной и купить себе новые ботинки — но, немного подумав, соображаете, что сегодня сын возвращается из школы пораньше и у вас нет времени на магазины. Представьте себе, каково это — видеть хронологию ментальных событий у вас в мозге и видеозапись ваших поступков, доказывающие, что экспериментаторы знали, о чем вы подумаете и что сделаете, раньше вас. Разумеется, вы по-прежнему чувствовали бы себя абсолютно свободным, однако тот факт, что кто-то способен предсказывать ваши мысли и действия, намекает на то, что ваши ощущения иллюзорны. Большинство людей так спокойно увязывает законы природы со свободой воли лишь потому, что мы не понимаем всех причинно-следственных связей и никогда не представляли себе, как трактуется поведение человека в свете новых знаний.

Важно отдавать себе отчет в том, что мои аргументы против свободы воли никак не связаны с материалистической философией (убеждением, что реальность по сути своей вещественна). Несомненно, что все психические процессы (или по крайней мере бóльшая их часть) — производные от физических процессов, происходящих в нервной системе. Мозг — это физическая система, и его деятельность подчиняется законам природы, поэтому у нас есть все основания полагать, что наши мысли и действия продиктованы изменениями в его функциональном состоянии и структуре. Но даже если бы человеческий мозг был вместилищем души, мои доводы остались бы прежними. Неосознанные движения души дают не больше свободы, чем физиология.

Если вы не знаете, что ваша душа сделает в следующий миг, у вас нет самоконтроля. Это наблюдение абсолютно верно и для тех случаев, когда человек желает подчинить свои чувства и поступки некоей идее. Вспомним о миллионах христиан, чьи души ликуют, переполняются радостью или тоскуют во время

богослужений. Свободой воли, однако, здесь пахнет не больше, чем в тех случаях, когда человек делает в точности то, что наметил. В выдержке, позволяющей соблюдать диету, таинственности не меньше, чем в соблазне съесть на завтрак вишневый пирог.

Разумеется, есть различие между преднамеренным и непреднамеренным действием, но это различие никак не подтверждает идею свободы воли (и никоим образом не вытекает из нее). Преднамеренное действие — в отличие от непреднамеренного — вырастает из нашего осознанного желания. Стоит ли говорить о том, что это различие отражается на уровне мозга? Сознательные намерения человека многое рассказывают о его личности. К садисту, которому нравится убивать детей, нельзя подходить с той же меркой, что и к водителю, который нечаянно сбил насмерть ребенка на дороге, поскольку осознанные намерения первого помогают представить, как он, скорее всего, поведет себя в будущем. Но откуда берутся сами намерения и что определяет их характер — тайна за семью печатями. Наше

ощущение свободы воли проистекает из неспособности разобраться в самих себе. Мы не знаем, что собираемся делать, до тех пор, пока у нас не сформировалось намерение. Это заключение равносильно признанию того, что мы не управляем нашими мыслями и поступками в том смысле, который люди привыкли вкладывать в эти слова.

Разумеется, данное понимание ничуть не умаляет важности социальных и политических свобод. Свобода поступать согласно задуманному, и никак иначе, имеет непреходящую ценность. Если же вам приставили к виску пистолет, то эту проблему важно устранить при любых обстоятельствах. Однако мысль о том, что мы, сознательные существа, глубоко ответственны за нашу психическую жизнь и, как следствие, за наше поведение, не соотнобразуется с реальностью.

Давайте подумаем, что это такое — по-настоящему обладать свободой воли. Это значит, что нужно представлять и полностью контролировать все факторы, определяющие наши мысли и поступки. Но в этом-то и состоит

СЭМ ХАРРИС

парадокс, искажающий само понятие свободы. Какой смысл воздействовать на факторы влияния? Чтобы их стало больше? Ведь психическое состояние переменчиво и не отражает суть нашей личности. Мы не управляем бурей и мы не ее заложники. Мы сами буря.

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

ПЕРЕМЕНА ТЕМЫ

Можно с уверенностью сказать, что никто не стал бы ломать копья из-за свободы воли, если бы речь шла всего-навсего о привлекательной абстрактной идее. Сам факт того, что это понятие пережило века, следует приписать в первую очередь нашей природе. Ведь в большинстве своем мы действительно *ощущаем*, будто управляем мыслями и действиями (как бы ни было трудно это объяснить с точки зрения логики и вообще науки). Так что идея свободы воли восходит к чувственному опыту. Тем не менее этот аспект обычно теряют из виду, как только разговор касается философии.

В философской литературе существуют три основные трактовки проблемы свободы воли:

детерминизм, либертарианизм и компатибилизм. Сторонники детерминизма и либертарианизма разделяют мнение, что если наше поведение полностью предопределено жизненным опытом, то свободная воля — фикция. (По этой причине и первым, и вторым приписываются «инкомпатибилистские» взгляды.) Детерминисты считают, что все в нашем мире взаимозависимо, тогда как сторонники либертарианизма (не путать с политической философией — либертарианством) воображают, что совершающий действие человек каким-то волшебным образом должен преодолеть рамки причинной обусловленности. Либертарианисты иногда упоминают такой метафизический объект, как душа, видя в наших волевых актах ее проявление. Компатибилисты находят воззрения сторонников детерминизма и либертарианизма ошибочными, заявляя, что свобода воли сочетается с принципами детерминизма.

Сегодня единственно приемлемый вариант для адептов свободы воли, нуждающихся в философском обосновании, — встать на позиции компатибилизма. В том, что касается

поведения человека, детерминисты правы — это очевидно. Наши мысли и действия зависят от работы нервной системы, зависящей, в свою очередь, от первопричин, которые мы не осознаем. Однако компатибилистская трактовка свободы воли совершенно не соответствует пониманию большинства.

Компатибилисты считают, что человек свободен в своих действиях до тех пор, пока не сталкивается с внутренними и внешними препятствиями, не дающими ему поступать в соответствии с его истинными намерениями и желаниями. Если вам хочется еще одну порцию мороженого и никто не заставляет вас его есть, вы, покупая мороженое, демонстрируете свободу воли. Люди, однако, претендуют на большую автономность. Нравственные представления и ощущение свободы действий обусловлены тем, что мы воспринимаем себя как *источник* наших мыслей и поступков. Выбирая жениха, невесту или книгу для чтения, мы не испытываем никакого воздействия предшествующих событий, над которыми у нас нет контроля. Мы охотно наделяем

себя и окружающих свободой, отрицая влияние объективных факторов, связанных с жизненным опытом. Когда же оказывается, что мы не правы (о чем свидетельствуют данные нейрофизиологических исследований мыслительной деятельности и поведения человека), мы уже не понимаем, какими правдоподобными доводами можно было бы обосновать наши привычные представления о личной ответственности⁵.

Проанализируем утверждение: насильники и убийцы совершают преступления по собственной воле. Если оно не полная бессмыслица, значит, преступники имели возможность поступить иначе — и не под влиянием случайных неконтролируемых факторов, а потому, что они, как разумные существа, обладали свободой мысли и действий. Сказать, что они были вольны *не* насиловать и *не* убивать, — значит признать, что они могли подавить в себе импульсы агрессии (либо даже пресечь само их появление), даже будучи в том состоянии, в каком они пребывали в момент преступления (с учетом всех факторов влияния, включая

деятельность мозга). Допустить наличие свободы у жестоких убийц равносильно вынесению приговора. В противном же случае пространство для обвинения сужается, и даже самый закоренелый социопат отчасти выглядит жертвой. В тот момент, когда мы задумываемся о причинах, следствиями которых стали сознательные акты насильников и убийц, и в зоне нашего внимания оказывается целая вереница таких причин, уходящая в их детство и за его пределы, вина преступников перестает представляться такой уж очевидной.

Компатибилисты в своей обширной литературе обошли эту проблему весьма хитроумно⁶. В большей степени, чем в любой другой области философии, их выводы напоминают выводы теологов. (Подозреваю, что это отнюдь не случайность: усилия были направлены главным образом на то, чтобы не позволить законам природы лишить нас заветной иллюзии.) Согласно компатибилистам, если человек хочет совершить убийство и идет на преступление по собственному желанию, действия этого человека отражают его свободу воли.

Построение нарочито нелепое как в этическом, так и в научном плане. Людьюми владеет много противоречивых желаний, однако некоторые из них, с какой стороны ни посмотри, являются патологией (то есть абсолютно неприемлемы). Большинство из нас в каждый конкретный момент находятся во власти сразу множества взаимоисключающих целей и стремлений. Вам хочется закончить работу и одновременно тянет ее отложить и поиграть с детьми. Вы намерены бросить курить, но мечтаете о сигарете. Вы дрожите над каждой копеечкой, но не можете устоять перед покупкой нового компьютера. В конце концов одно из противоборствующих желаний необъяснимым образом берет верх над другим. И где же здесь свобода?

Проблема с компатибилизмом, однако, гораздо глубже. Потому что какая же это свобода — хотеть то, что хочется, обходясь вообще без внутренних конфликтов? Какая же это свобода — удовлетворяться собственными мыслями, намерениями и вытекающими из них действиями, когда все они — следствие

факторов, к которым вы не имеете ни малейшего отношения?

Например, я выпил стакан воды, и это решение меня умиротворило. У меня пересохло горло, и мое действие (я выпил обычной воды) идеально соответствовало моему представлению о себе: именно так мне следует поступать, когда мучает жажда. Если бы я с утра пораньше достал пиво, во мне заговорила бы совесть, а стакан воды не зазорно выпить в любое время суток, и я полностью доволен собой. Где здесь свобода? Возможно, если бы я думал поступить иначе, я бы так и сделал, тем не менее я повел себя так, как мне на самом деле хотелось. Я не предопределяю свои желания и не решаю, какое из них лучше. Моя психическая жизнь — это дар из космоса. Почему я не догадался выпить сока? Мне это даже не пришло в голову. Свободен ли я делать *то, что не приходит мне в голову*? Разумеется, нет.

Повлиять на свои желания не в моей власти. Какие у меня есть на то рычаги влияния? Другие желания? Сказать, что, будь у меня такое желание, я поступил бы иначе, равносильно

признанию, что я обитал бы в иной вселенной, если бы я там обитал в действительности. Компатибилизм всего-навсего формулирует кредо: *марионетка свободна до тех пор, пока ей нравиться висеть на нитях.*

Компатибилисты вроде моего друга Дэниела Деннета⁷ утверждают, что, даже если наши мысли и действия есть продукт неосознанных факторов, они все-таки наши по определению. Что бы ни решал или ни делал наш мозг, осознанно или бессознательно, все равно это наши решения и поступки. Тот факт, что мы не всегда осознаем причины наших действий, не отрицает свободы воли, поскольку нейрофизиологические механизмы такие же наши, как и осознанные мысли.

Познакомимся с наблюдениями Тома Кларка из Центра натурализма.

«Харрис, безусловно, прав: у нас нет механизма доступа к процессам, лежащим в основе нашего выбора. Однако, как не раз отмечал Деннет, эти процессы такие же наши,

как и любая другая часть нашей личности, как наше сознание. Нам не следует отчуждаться от процессов, происходящих в нервной системе, исходя из предположения, что наше осознанное “я”, которое, по мнению Харриса (и, вероятно, многих других), составляет *реальное* “я”, отдано на милость нейронов, которые им и распоряжаются. Мы как субъекты состоим (среди прочего) из цепочек нейронов, и некоторые процессы в этих цепочках определяют содержание сознательных и бессознательных явлений. Поэтому Харрис не прав, говоря, что это иллюзия — утверждать, будто мы управляем мыслями и действиями, а не просто пассивно наблюдаем за тем, куда ведет нас причинная обусловленность. Мы как физические индивиды поступаем отнюдь не случайно и выбираем тот или иной акт, пусть даже в этом и не задействована область, отвечающая за сознательную деятельность. Так что ощущения нас не обманывают: мы действительно руководим поступками и их контролируем.

Более того, нейронные процессы, которые поддерживают осведомленность, наиболее важны для выбора. Все факты указывают на то, что они связаны с адаптивностью и накоплением информации, служащей для контроля за поведением. Сомнительно, правда, что осведомленность (воспринимаемый опыт) сама что-то добавляет к нейронным процессам, контролирующим действие.

Действительно, человеческие существа не имеют свободы воли, способной разорвать причинную связь. Мы не можем слепить из себя божков. Но мы оттого не менее реальны, чем генетические процессы и явления окружающего нас мира, создающие нас самих и определяющие ситуации, в которых мы делаем выбор. Механизм выбора, поддерживающий результативное действие, так же реален и причинно обусловлен, как и любой иной естественный процесс. Так что нет необходимости рассуждать, *как будто* мы реальные субъекты действий, чтобы создать мотивированную и полезную *иллюзию* деятельности, как это пожелал сделать Харрис в конце

своего высказывания о свободе воли. Действия личностей, обладающих такими качествами, вполне могут быть объяснены в рамках детерминизма»⁸.

Этот отрывок прекрасно показывает разницу между взглядами Деннета и моими (Деннет с этим согласен⁹). Я считаю (об этом я уже говорил), что компатибилисты вроде Деннета занимаются подменой понятий. Они выдают психологическое явление — субъективный опыт сознательной личности — за концептуальное понимание себя как личности. Это прием вроде мошеннического маркетингового хода. На самом деле люди мысленно отождествляют себя с неким информационным каналом. Деннет же утверждает, что наше устройство куда сложнее — мы причастны ко всем процессам, происходящим внутри наших тел, независимо от того, сознаем мы это или нет. Это все равно что сказать: мы созданы из космической пыли. Собственно, так и есть. Но мы не *ощушаем* себя космической пылью. И знание о том, что мы пыль, никак

не отражается ни на нашем восприятии добра и зла, ни на системе уголовного судопроизводства¹⁰.

В каждый момент вы принимаете бесчисленное множество неосознанных «решений», мозг в их принятии не участвует, но задействованы разные органы. Однако вы не чувствуете себя ответственными за эти «решения». Выработывает ли сейчас ваш организм красные кровяные тельца и пищеварительные ферменты? Разумеется, и, если бы он «решил» поступить иначе, вы стали бы скорее жертвой перемен, чем их причиной. Сказать, что вы отвечаете за все происходящее в вашем теле, потому что все это «ваше», по сути своей означает претензию, никак не связанную ни с ощущением себя как личности, ни с моральной ответственностью, хотя именно эти два фактора и придают идее свободы воли философский смысл.

В вашем теле больше бактерий, чем клеток. На самом деле 90% клеток вашего тела — это микробы вроде кишечных палочек (им принадлежат 99% функционально активных генов).

Многие из этих организмов осуществляют жизненно необходимые функции — значит, в более широком смысле слова это тоже вы. Ощущаете ли вы родственную связь с ними? Готовы ли отвечать за их сбой?

Люди чувствуют, что руководят своими мыслями и действиями (либо думают, что руководят), хотя это лишь иллюзия. Если бы мы им сообщили, что, по данным сканирования головного мозга, их выбор происходит за секунды до того, как они его осознают, это бы их чрезвычайно удивило: их статус сознательных индивидов, контролирующих свою внутреннюю жизнь, оказался бы под угрозой. Мы знаем, что подобный эксперимент в принципе возможен, и, если бы мы правильно настроили аппаратуру, испытуемые бы почувствовали, что мы читаем их мысли (или контролируем их)¹¹.

Действительно, порой мы ощущаем свою ответственность за события, на которые не имеем даже случайного влияния. Экспериментальные данные показывают, что людям можно внушить, будто они совершенно

осознанно намеревались совершить то или иное действие, хотя они не контролировали свои движения. Во время одного из экспериментов испытуемых просили с помощью курсора выбрать картинку на экране. Если картинка называлась до того, как останавливался курсор, многие верили, что выполнили задание, — несмотря на то, что мышью водил другой человек¹². Людей, подверженных гипнозу, легко заставить выполнять довольно странные вещи. Если же у них спросить о причинах, многие сошлутся на какие-нибудь фантастические обстоятельства, не имеющие ничего общего с истинным поводом. Нет сомнения в том, что мы можем серьезно заблуждаться на свой счет. По-моему, это даже наше нормальное состояние.

Представим себе человека, заявившего, что ему не нужна еда и что он будет питаться только солнечной энергией. Время от времени таким подвигом похвается какой-нибудь индийский йог — на потеху скептикам. Стоит ли говорить о том, что подобные речи нельзя принимать всерьез, каким бы истощенным

ни выглядел сам заявитель. Тем не менее компатибилист вроде Деннета вполне способен встать на защиту шарлатана. Этот человек действительно живет за счет солнечной энергии — равно как и мы с вами, поскольку любая пища так или иначе связана с фотосинтезом. Когда мы едим говядину, мы потребляем траву, которую съела корова, а трава поглотила солнечный свет. Так что йог не солгал. Однако йог хвалился не этим, а своей сверхчеловеческой способностью, так что его изначальное заявление — это неправда (либо бред). В этом-то и беда компатибилизма. Он решает проблему свободы воли, полностью игнорируя саму проблему.

Как мы можем быть свободными личностями, если все наши осознанные намерения вызваны процессами в мозге, которые *мы не* запускали и которые мы абсолютно не контролируем? Никак. Сказать, что мой мозг осознанно или бессознательно решил подумать или поступить тем или иным образом и что на этом основывается моя свобода, значит пренебречь главным источником

СЭМ ХАРРИС

нашей веры в свободу воли — чувством, что мы *сознательные* личности. Люди *чувствуют*, что управляют своими мыслями и поступками, это и есть единственная причина, по которой проблема свободы воли достойна обсуждения.

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>